

Л. Т. Соловьева

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
В «ЧЕРКЕССКИХ ДНЕВНИКАХ»
С. Н. ДЖАНАШИА**

Известный грузинский историк, академик Симон Николаевич Джанашиа (1900–1947) был одним из первых выпускников Тбилисского государственного университета. Он, как один из воспитанников исторической кавказоведческой школы И. А. Джавахишвили, проявлял активный интерес ко всему Кавказскому региону. Убежденность в том, что история грузинского народа всегда была тесно связана с историей и культурой народов Кавказа, подвигла С. Н. Джанашиа первым из грузинских историков отправиться в 1929 г. на Северный Кавказ.

«Черкесские дневники» С. Н. Джанашиа представляют собой записи разнообразных материалов лингвистического, этнографического, исторического характера, которые молодой грузинский исследователь собирал и тщательно фиксировал во время своих поездок в 1929 г. по Адыгейской автономной области, Шапсугскому району Краснодарского края и Кабардино-Балкарии, а также во время своего пребывания в г. Краснодаре. В оригинале, т.е. на грузинском языке, «Черкесские дневники» были изданы в 1968 г. [1], но, видимо, оставались недоступными большинству специалистов по Северному Кавказу. Теперь имеется перевод этих материалов на русский язык, осуществленный Р. С. Джанашиа и Т. Уджуху [2].

В отчете о поездке С. Н. Джанашиа писал: «Целью этой командировки было собрать на месте и перепроверить материалы из языковой и этнографической действительности черкесских племен, потребность в которых возникла при работе над вопросами истории Грузии. Вместе с тем в процессе исследования абхазского языка нас интересовали грамматические свойства черкесского языка» [2, с. 5]. Следует напомнить, что в 1920-е гг. эти вопросы оставались еще малоизученными.

Первоначально С. Н. Джанашиа планировал посетить также Черкесскую автономную область (с центром в г. Баталпашинск, как тогда назывался Черкесск), поскольку этот регион был интересен для него как «основная территория распространения бесленеевского наречия (это переходная ступень между кяхским и кабардинским) и абазинского языка» [2, с. 8]. Но от поездки в этот район пришлось отказаться из-за недостаточного финансирования.

С 25 апреля до середины мая С. Н. Джанашиа работал в Краснодаре и у кубанских шапсугов в ауле Афиписип. Пребывание в Краснодаре было очень плодотворным, поскольку здесь С. Н. Джанашиа мог работать со студентами педагогического техникума, приехавшими в краевой центр из разных населенных пунктов, а также с представителями местной интеллигенции. Он отмечал, что у него «была возможность познакомиться с представителями всех племен и в то же самое время... найти надежных переводчиков» [2, с. 8]. Затем он посетил аулы Глюстенхабль, Джамбечи, Уляп, Хакуринохабль, Мамхег и др. Этнографические материалы «Черкесских дневников» касаются не только тех населенных пунктов, где исследователь побывал лично. В Краснодаре он нашел информантов и из аулов (Ассоколай, Адамий, Егерукай и др.), куда он не успел добраться.

В конце мая С. Н. Джанашиа побывал у черноморских шапсугов, и оттуда через Абхазию вернулся в Тбилиси. В конце июля — в августе он совершил поездку в Кабардино-Балкарию, в том числе посетил с. Нартан, где познакомился с Бек-Мурзой Пачевым, народным поэтом и просветителем, который самостоятельно изучил арабский язык и на основе арабской письменности создал кабардинскую азбуку. Таковы были маршруты поездок грузинского исследователя в 1929 г., научные результаты которых содержатся в дневниковых записях. К сожалению, ему не удалось должным образом их обработать. По сути, это черновики возможных научных работ. Тем не менее и в таком виде они представляют огромный интерес для кавказоведов.

С. Н. Джанашиа большое внимание уделял лингвистическим изысканиям, результаты которых также важны для этнографов, поскольку исследователь записывал термины из самых разных

областей быта: названия дней недели и месяцев, местных блюд, предметов одежды, танцев, музыкальных инструментов, жилищ и различных строений, божеств и т.п. Например, в ауле Уляп Джанашиа зафиксировал, что Тифлис здесь называют *Курдже*, а для обозначения жителей Грузии используют русское слово *грузин* [2, с. 123], в Тлюстенхабле в беседе с русскими черкесы для обозначения женщины употребляют слово «марушка» (искаженное «Маруська») [2, с. 100].

У всех информантов исследователь пытался узнать следующие сведения: представители каких племен живут в данном ауле (бжедуги, темиргоевцы, абадзехи и т.д.); известные в данном населенном пункте фамилии, женские и мужские имена; происхождение названия аула и его кварталов; топонимы (названия рек, ущелий, гор, лесов, урочищ и т.д.) и т.п. Кроме того, в дневниках имеются материалы, которые освещают практически все стороны жизни сельского сообщества адыгов: расположение селений и устройство жилищ, особенности семейного быта, положение женщин, религиозные представления, обряды, приготовление пищи, нормы гостеприимства, особенности этикета и многое другое.

Немалый интерес у С. Н. Джанашиа вызывали языковые проблемы в адыгской среде: взаимосвязь диалектов, степень их сохранности в том или ином селении и т.д. Но он фиксирует не только сухие научные наблюдения, но и живое восприятие населением языковых процессов, отношение народа к тому, что один язык (или диалект) в силу объективных причин сменяется другим. Так, побывав в ауле Уляп, он написал: «Некоторыми из присутствующих абазин язык уже позабыт. Мой приход сильно взволновал их, скорбят о родном языке. Один говорит: “Если бы можно было купить язык, я бы много заплатил за родной язык”» [2, с. 119]. Узнав от С. Н. Джанашиа, как по-абхазски звучит слово «кукуруза», местные абазины (абазинский язык близок абхазскому) «страшно обрадовались»: «У нас, говорят, с бесленеями всегда спор, чей язык лучше». Автор так объясняет причину их радости: «Бесленеи, как видно, выигрывали у них тем, что у абазин нет названия кукурузы» [2, с. 113].

Особая ценность дневников заключается в том, что в записях детально фиксируется то, что С. Н. Джанашиа наблюдал сам. Так он описывает увиденный им в ауле Мамхег обряд *чапи* (обычно он проводился около раненого или больного): «Чапш был устроен для одной старухи, которая не то сломала, не то что-то повредила себе. Когда мы пошли, был уже двенадцатый час ночи. Народу было много, около 70–80 человек: взрослые и молодые, женщины и мужчины. Девушки и юноши танцевали в кругу. Играла одна гармонь и несколько кастаньет <...> Женщины (видно, только те, что были на выданье) стояли на ногах, некоторые юноши сидели на земле <...> Нас представили старцам и указали на почетные места» [2, с. 129].

Значительную часть этнографических материалов составляют данные о религиозных представлениях адыгов: это описания «лесного получеловека», у которого на груди выступ из рога в виде топора, и живущего в воде сверхъестественного существа, которое имеет одну ноздрю и утиные лапы вместо ног, названия «ведьм с хвостами», черных и белых чертей. С. Н. Джанашиа приводит запись легенды о первом кузнеце Тлепше, записи обрядов вызывания дождя (как исполнявшихся до начала XX в., так и современных), в том числе Ханцгваш, сообщает о роднике около аула Уляп, возникшем после удара молнии, вода которого считалась в народе целебной, о терминах для обозначения слова *крест* (*каш*, *джор*) [2, с. 63, 76, 77, 79, 103, 106].

Молодой исследователь не оставил без внимания и известных своей красотой черкешенок. В ауле Афипсип, поскольку он интересовался, «насколько здесь сохранился тип женщины», его отвели к соседям, чтобы показать местных красавиц. С. Н. Джанашиа отмечает, что это «не вызвало никакого стеснения», поскольку незамужняя женщина «пользуется особыми привилегиями: она всегда может свободно принять гостя. Также любой юноша может прийти в гости к девушке. В деревне такие посещения, ухаживания, оказывается, — совершенно обычное явление <...> Черкесских женщин (незамужних) вообще характеризует то, что они держатся свободно, смеются, шутят» [2, с. 85].

В записях С. Н. Джанашиа немало данных по антропонимии адыгов и абазин. Он отмечает, в частности, обычай называть лю-

дей «по разным случайным явлениям» и приводит такие имена, как Япон, Кадет (дали во время правления кадетов в Кубанской обл.), Китай, Балшевик [2, с. 129].

Интересны сведения о материальной культуре адыгов — о жилище и его внутреннем убранстве, одежде, прическах, повседневной и праздничной пище, сопровождающиеся описанием порой неожиданных деталей (земляной пол в гостевом доме разделен светлыми полосами на клетки; раньше газыри на черкеске пришивали очень высоко, чтобы гильзы можно было вырвать зубами, и т.д.).

Наверное, было бы преувеличением назвать полевые дневники С. Н. Джанашиа энциклопедией жизни черкесских селений конца 1920-х гг., но в своих записях молодой исследователь действительно смог охватить весьма широкий круг тем и вопросов. Живые непосредственные впечатления от увиденного создают ощущение, что читающий сам наблюдает все происходящее. Причем отмечены не только «приметы старины», но и многочисленные изменения в сфере материальной и духовной культуры, происходившие в те годы в черкесских аулах.

Записанные С. Н. Джанашиа более 80 лет назад «в поле» этнографические материалы — свидетельства внимательного наблюдателя и богатый первоисточник. Теперь, когда эти материалы изданы на русском языке, они стали доступны широкому кругу специалистов, несомненно, к ним будут обращаться все, кого интересует этот район Кавказа.

Библиография

1. *Джанашиа С. Н.* Труды / Под ред. В. Т. Топуриа, К. В. Ломтатидзе. Тбилиси, 1968. Т. IV. (На груз. яз.)
2. *Джанашиа С. Н.* Черкесские дневники. Тбилиси, 2007.